

ВАЛЕНТИН СОРОКИН

СОРОКИН Валентин Васильевич (хутор Ивашла Башкирской АССР, 25.07.1936) происходит из знаменитого на Урале казачьего рода, из многолетней семьи лесника. Отец был участником Великой Отечественной войны, разведчик, ранен шесть раз, домой вернулся инвалидом. Предки поэта сражались на Куликовом поле, а сам Валентин Сорокин — автор многих эпических поэм: «Дмитрий Донской», «Евпатий Коловрат», «Бессмертный маршал» (о Георгии Жукове), «Палестинец» и др. Первые публикации стихов появились ещё в пору отрочества. Юность и молодость — 10 лет работы в 1-м мартене Челябинского металлургического завода. Первые книги «Мечта» (1960) и «Я не знаю покоя» (1962) выходят на Урале. В 1962 г. по рекомендации Леонида Соболева, Бориса Ручьева и Василия Федорова Сорокин вступает в Союз писателей СССР. В 1963—1965 гг. учёба на Высших литературных курсах. Впоследствии Валентин Васильевич будет 31 год руководить ВЛК (1983—2014). В саратовском журнале «Волга» в 1965—1967 гг. Сорокин заведовал отделом поэзии, затем ведёт отдел очерка, публицистики, поэзии в журнале «Молодая гвардия» (1968—1969), главным рупоре «Русского Возрождения». В 1970—1980 гг. Валентин Сорокин — главный редактор «Современника», издательства, где вышли лучшие произведения русской национальной литературы, в том числе и сборники репрессированных поэтов — Павла Васильева, Бориса Корнилова и др. Богатое, многогранное, самобытное, любимое подлинными ценителями литературы творчество Валентина Сорокина отмечено премией Ленинского комсомола, Государственной премией России, Международной премией им. М.А. Шолохова, Всероссийскими премиями Сергея Есенина, Н. Гумилёва, А. Твардовского, Д.Н. Мамина-Сибиряка и др. Стихи Валентина Сорокина переведены на многие европейские языки, на арабский, японский и хинди. Поэзию Валентина Сорокина высоко ценили Михаил Львов, Людмила Татьяничева, Юрий Бондарев, Пётр Проскурин, Олег Михайлов, Иван Акулов, Юрий Прокушев, Борис Можжев, Николай Воронов, Виктор Петелин, Лев Скворцов и др. Творчеству поэта посвящены работы литераторов нового поколения, о его книгах писали Иван Голубничий, Максим Замшев, Лидия Сычёва, Михаил Бондарев, Нина Попова, Михаил Крупин, Елена Пустовойтова, Олег Малинин, Елена Дубровина, Владимир Веретенников и др.

Земля отцов

На Волховском фронте

Рытвины, траншеи, ветер, ветер
Пролетает из конца в конец.
Не отсюда ль, молча, на рассвете
В рукопашную шагнул отец?

Грело солнце мартовское вяло,
Черный лес придерживал пургу.
И лежал он долго,
 кровь стекала
И следы твердели на снегу.

И уже почти под небесами
Мать моя почудилась ему,
Молодая, с карими глазами,
Восьмерых примкнула к одному:

— Ты куда собрался и попутно
Всех бедой надумал угостить,
Воевать и умирать не трудно,
Тяжелей детей твоих растить! —

Древний Волхов не плескал волною,
Не качали плёсы лебедей.
Это было с ним, а не со мною,
Я сегодня старше и седей.

Но, как прежде, на моем Урале,
Будоража огнеликий чад,
Голосом высокорудной стали
Поезда на станциях кричат.

И полны неодолимой неги,
Рассекая крыльями простор,
Лебедята
 рвутся от Онеги
К тайнам златоустовских озер.

Где шумели кедры — там чащобы,
Синева спадает с горных плеч...
Сберегли Европу мы, еще бы
Нам свою Россию уберечь!

Кто седее

Снится мне мама, седая, седая,
И говорит: «Я еще молодая,
Ты же совсем у меня молодой,
А уж седой-то, седой-то, седой!»
Вот и сидим, и глядим друг на друга,
Кто же седее нас: жизнь или выюга?

Возвращённая клятва

Может быть, и я сойду с ума,
Если вновь твоё услышу тело.
Этой ночью с древнего холма
В облака рябина улетела.

Скорая на чувства и слова,
Кратко с ним и весело простилась.
И его седая голова
В синей мгле опять засеребрилась.

Прикоснись к душе моей на миг,
Наяву, а в мёртвых снах не мучай, —
Тьма в глазах твоих, и только в них
Затаился наречённый случай:

Я твои ладони разведу,
Трудных клятв негромко удостою,
В небесах остывшую звезду
Свечкою затеплю золотою.

Вздых себе же в юность посылать
Нам, холмам, завещано природой,
А тебе — искриться и пылать
Над неповторимую свободой.

Ты, рябина, гибельней, чем стон,
Проще сказки, виноватей выюги,
Спеленала с четырех сторон
Все мои тропины по округе!

Красный конь

Я рад, что я не одинаков, —
Я человек, а не металл,
Пусть говорят, я часто якал,
Нет, я не якал, я взлетал.

На весах матери-России
Не сладко соколу жилось,
Я столько горя пересилил,
Аж слово в крик перелилось.

Разгорячённый гневным чувством,
Пегас поднялся на дыбы.

И впрямь иные златоусты
Отяжелели, как попы.

Я видел много, понял много,
Я был в аду и вышиб дверь.
Гуди, бетонная дорога,
Копыта, цокайте о твердь!

Хочу я с недругом столкнуться,
Размявши плечи у огня,
И никому не дотянуться
До гривы красного коня...

Земля отцов

Не представить белый снег
Без саней крылатых.
Не увидеть тройки бег
Да без грив косматых.

О земля моих отцов,
Вздыбленная круто,
Ветром, звоном бубенцов
Ты насквозь продута.

От стрелы и до курка
Через все туманы
По тебе прошли века,
Будто атаманы.

Над тобою круг вершат
Звёзды-хороводы.
В глубине твоей лежат
Разные народы.

Как безумец в гололедь
Направляет снасти, —

Я пришел запечатлеть
Грозные их страсти.

Не указами царя,
Волею поэта,
Плещут реки и моря, —
Двигается планета.

О земля, земля моя,
Цезарь и Аттила
Не заполнили края —
Духу не хватило!..

Никуда тебя не деть,
Я-то знаю это:
Из конца в конец лететь
Устает комета.

Плачу, голову клоня,
Счастья ль, бога ль милость:
Ты под сердцем у меня
Нежно уместилась.

Вознесение Христа

Ах, как сердце прохладе радо,
Даже зной не беру я в счет.
Голубая вода Евфрата
Прямо в чашу долин течет.

И звенят над волной подковы
Серебристых тяжелых рыб,
Где покладистый, тальниковый
Ветер сник у гранитных глыб.

Мост серебряный — музыкальный,
Многострунный, полетный звон.
Где-то там, за горою дальней
Он, распятый, очнулся, Он!..

И серебряные долины
Отзываются неспроста

На рыдания Магдалины
И на муки ее Христа.

Сколько звезд над землей светилось
И шепталось благих молитв,
Прошумело и прокатилось
По народам трагедий, битв?

И пустынились, погибая,
Тюрьмы, храмы и города.
Но жива еще голубая,
Олегенденная вода.

Упаси тебя от пирата,
От снарядов из-за границ,
Голубое лицо Евфрата,
Серебристый камыш ресниц!

Во тьму на дому

Гражданский брак, да это ж эволюция,
Во имя секса, значит, революция:
Долой закон и храмовую тьму!
Итог:
Гражданский брак есть благопроституция
Не где-нибудь, а прямо на дому.

Моя родина

Я русский совестью и родом, Россию славлю и пою. Перед любым ее народом Склоняю голову свою.	И если бы меня спросили, Я подтвердил бы нашу честь: Плохих народов нет в России, Но пятая колонна есть!..
---	---

Ожидание

Кончился вой метели, Травы из речки пьют, Липы замедовели, И соловьи поют.	Болью неутолимой Вечный горит огонь. Матери и любимой — Всюду одна ладонь!
В храм позвала тропина, Вздых над крестом дрожит. И через луг рябина К дубу опять бежит.	В муках и в круговерти, А не в раю росла, От неминучей смерти Ты ведь меня спасла.
Жили мы — воевали, Враг нас во мгле не стёр, Но на моём Урале Рос я среди сестёр...	Крону клоня густую, Дуб, высоту любя, Тонкую и святую Ждёт — на холме тебя!..

Обман сквозь туман

Вот я, российский гражданин, Шокирован чудесьями, Что на экраны не один Народ не пусят с песнями.	Шаляпин, видимо, погиб, Русланова под следствием? Народы наши сквозь туман Идут по тракту узкому, А диссидент и графоман Нас учат слову русскому!
Там только водка, секс и грипп, Для голых счастье с бедствием.	

За молитвами одиночества

В нужде я и в бедах рос,
Без войн не бывало дня.
Спасибо тебе, Христос,
Что ты уберёг меня.

Упал, надломившись, друг,
Я слышу, на трассе вновь
Не листья шумят вокруг,
А льётся с деревьев кровь.

Мы, русские, взяты тьмой,
Мы гибнем, а не враги.
Бессмертный защитник мой,
Детей моих сбереги.

Такой на земле мороз,
Такая шальная мгла.
Один ты у нас, Христос,
И воля твоя светла.

И той не скупись помочь,
Чья нежность всегда со мной.
К ней сердце летит сквозь ночь
Над раненою страной.

О, русских теснят окрест
И двигают на убой,
Но мы пронесём свой крест
Межзвёздной твоей тропой!..

Перед Богом

А мы живем, то плача, то робея,
То не суля пощады никому...
Я не хотел бы видеть, как Помпея
Исчезла в напалзающем дыму.

Я не хотел бы слышать, если боги
О гибели нам скорой говорят,
Пусть на моей и на чужой дороге
Всё те же звезды вечные горят.

Сравнимы беды или не сравнимы,
Грешно копаться в пекле и в золе,
Но мой народ лишь потому гонимый —
Добрее нет другого на земле.

Он заслонил знаменами планету,
Идя вперед и падая вперед,
Так разбросал себя по белу свету,
Что, может быть, уже не соберет.

И чем ему, действительно, гордиться,
Соседей спас и незнакомых спас,
Теперь легла железная граница
Между могил...

И разделила нас.

Не надо с нашим горем препираться,
Есть глухота и есть обиды зов:
А вдруг мы вновь надумаем подняться
Перед крестами братьев и отцов?!..